

ЦИНО по телевизору нам псказывают вежливо. Говорят, когда фильм сделан, сколько уже лет мы с ним не встречались. Вроде бы чудесно.

Но вот со своей собственной продукцией ТВ скромничает. Казалось бы, тоже надо сказать: «Телефильм снят в таком-то году. Премьера состоялась через столько-то лет», правда ведь? И многое бы стало понятным.

Это я, как вы догадываетесь, по поводу четверговой премьеры фильма В. Виноградова «Я возвращаю ваш портрет». Потому что хорошая эта лента пришла к нам с явным опозданием. И вообще не надо ходить в Дом кино, быть «в курсе», подобно самому настоящему завмагу, чтобы это заметить. Все видно в самой ленте.

Символом «настоящего времени», сегодняшней точкой отсчета здесь берется «Вот! Новый поворот! Что он нам несет» и т. д. Андрея Макаревича. Песня славная, симпатичная, но тоже уже заслуженная: пик ее, когда она звучала почти на каждом перекрестке, приходится на время так лет пять—семь тому назад. Новая эра эстрады сменилась эрой новейшей, и недаром И. Саруханов уже спел с тех пор: «Позади крутой поворот».

ТВ-ПРЕМЬЕРА

ЗВУК И ОТКЛИК

Но хочу быть понятым правильно. Эта заметная неприятность в конце концов в итоге не повредила талантливой картине ленинградского документалиста, а как бы даже ее талантливость подтвердила. Только к игре времени внутри ленты прибавилась игра за ее пределами.

Фильм понравился мне и, хочется верить, понравился всем. Почему все-таки нелегко найти о нем нужные слова?

Существует эхо - эффект. Нота, звук словно звучат таинственной и неожиданной, когда рядом есть пустое резонирующее пространство. При надлежащей точности притягательность звучания возрастает настолько, что уже почти неважно, что именно сказали. Пусть с экрана льется «спорная песня» про Мишку и его улыбку — мы все равно в восторге, мы искренне и подоброму просветлены.

А как это достигнуто? Все-го-то навсего расстоянием между нами и немудреной песенкой. И тем еще, что полностью это расстояние гру-

стной, извиняющейся улыбкой Андрея Миронова.

Вот откуда берется пустое пространство для резонанса: из отсутствия риторики, пафоса, умничания. Все можно объяснить. Ах, как все можно объяснить! Наговорить кучу увесистых, плотных, самодовольных слов о беге времени, научно обосновать изменение системы эстетических ценностей, в процессе которого спорный Мишка становится неспорным...

Что же вы думаете, авторы и создатели картины слов таких - подобрать не сумели бы? Вполне могли бы. Но они почувствовали, что если набить умными и громкими словами промежутки между песнями, резонанс куда-то денется, заглохнет.

Так вот, рецензент тоже чувствует, что объяснить — просто, сложнее — отказаться от расхожих объяснений и просто дать почувствовать очарование.

Тут тянет просто божать вдоль ленты, с удовольствием перечисляя, как в отрочестве:

— А помнишь? А видел? А потом... А Утесов: «Лопни,

но держи фасон»? А Райкин: «Они когда-то были молодые люди. Это было недавно». А Шульженко: «Вашу записку, несколько строчек...» И — нет, ты обратил внимание? «У себя в шкафу, где Моцарт и Григ». «Моцарт! Во как возвышенно! И тут же достоверительно - биографическое: «Как бы я пела о любви, если бы не влюблялась?» И вдруг: «Я давным-давно — не та». И мы видим, какой смущенной улыбкой сопровождается молодой свой голос старая женщина.

Но безраздельно отдаться этому удовольствию мешает трезвое соображение, высказанное когда-то А. П. Акимовым: за пересказа пьесы в рецензии гонорар следует начислять не критику, а драматургу.

Так что перескажем тоже не отделаешься. Просто все было очень трогательно, а как это достигнуто? Как смешаны неизбежная грусть с безотлучной улыбкой? Чем?

Снижением теории? Важным спором, хорошее ли слово «эстрадник» (как ударник — точка зрения З. Е. Гердата) или плохое (как оперник, опереттник — позиция

М. И. Мироновой)? А что, пока они непримиримо дискутируют, мы совершенно не в силах вникнуть в существо проблемы, потому что некогда: мы любим обоих и боимся, что спор вот-вот оборвется, а мы смотрели бы и слушали еще и еще.

Еще интересная проблема. Как это воспринимают молодые? Тот, кто не помнил, не забывал, не расставался, — обрадуется ли он встрече или отнесется к ней с холодноватым недоумением? Это, мол, что такое? Что за ритм? Что за манеры? Что за мелодии? Что за слова?

Социологические опросы не проведены, некогда было. Но почему я думаю, что встреча состоялась, прошла, как это называется, в теплой, дружественной обстановке?

Вот почему. Я-то ведь сам с удовольствием вспоминал то, чего и не знал. Ну, проскочил я как-то мимо джаза Александра Варламова. Ничего в моей памяти с ним не было связано. Ну так что? Теперь будет связано, и все дела. И если кто-нибудь сумеет рассказать подробней, с новыми деталями

— я бы хотел там быть; услышать.

Дело не только в том, что мы испытывали свою трепетную ностальгию, — мы с равным успехом заражались и чужой. И когда 96-летний тогда Алексей Григорьевич Алексеев пошутил, что вот Наполеона он запоматовал — мы с разбега огорчились: а жалко, он бы о неугомонном корсиканце рассказал бы живо, с удивительными подробностями.

Время, такое серьезное, неумолимое, все-таки поддавалось, побеждало то тут, то там. Чем-то это напоминало трилогию Алексея Габриловича о футболе, цирке, кино нашего детства. «Эстрада нашего детства»? Возможно.

Однако все, конечно, по-разному. У Габриловича — время, его цвет, как синева воздуха, само главный предмет изображения. Футбол, кино — не самое главное.

А здесь в фокусе именно эстрада за слоями времени. И картина не забывает, что должна оставаться просто концертом тоже.

Но про то, что улыбка безотлучна, я все-таки не прав. Когда появился Высоцкий, было не до нее. Может быть, самую сильную свою песню о слишком привередливых конях он пел оттуда — сюда, со сцены — в зал, с экрана

— в комнату. И, право, никакой тут мистики нет, но звучала она не так, как при жизни автора — многократно сильнее.

Она же ведь цыганочка. Как у Аполлона Григорьева. У Блока. У Маяковского. Она ведь была тогда пророческой, а теперь стала сбывшейся, осталась живой, победившей на наших глазах то, что победить трудней всего на свете.

Эльдар Рязанов мечтает сделать большой телефильм о Владимире Высоцком. Наталья Крымова уже, говорят, делает, говорят, в учебной программе, где почему-то выше результаты в последнее время, чем, скажем, в литдраме. Что ж, это хорошо.

У него было какое-то очень настоящее лицо. Трудно сказать определеннее. Дело не в красоте, не во внешнем мужестве, даже не во внешней, подчас светлой выразительности. Этого ничего не было, было другое; большее. Таких кадров на нашем маленьком экране не было давно.

И, почувствовав, что кульминацию не перекрывают, нечем, фильм быстро закончился. Интонация его заметно переменялась, от милой трогательности к трагедии. Оказывается, эстрада — это. Вот как.

А. АНДРЮШИН.